

УДК 34.01
ББК 67.0

МОДЕРНИЗАЦИЯ ВРЕМЕННЫХ ПАРАМЕТРОВ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ВЛИЯНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПРАКТИКИ

Е.Ю. Догадайло

В статье раскрывается влияние практики Европейского суда по правам человека на изменение временных параметров осуществления правоприменительной деятельности в Российской Федерации.

Ключевые слова: *время, процессуальное право, правоприменение, своевременность.*

Внутри правовой системы протекают процессы, которые не могут происходить ни с бесконечной скоростью, ни с разнообразными скоростями, а только с вполне формально закрепленными скоростями. Процессы в правовой системе сопряжены по срокам, наступают упорядоченно относительно друг друга, определенные деяния накапливаются, структурные элементы собираются, определенное количество юридических фактов и фиксирующих их документов накапливается, а затем возникает новое юридическое качество – новый статус субъекта права, юридический результат осуществления субъективных юридических прав и обязанностей и т. д. Для субъекта права своевременность юридически значимых действий осознается, только если есть возможность сравнения – если есть способ сравнить ритм и скорость протекания нормативно-урегулированных процессов.

Существование в позитивном праве такой категории, как «своевременность», есть использование формально-юридических средств воздействия на скорость осуществления правовых процессов. Эта категория весьма широко применяется в российском законодательстве: только действующих федеральных законов, использующих эту катего-

рию как элемент правового регулирования, существует более 360¹. Стало общим местом, что в разных социальных системах имеются и разные типы сознания времени, зависящие от социальных структур этих систем [15–17]. Это верно и для правовой системы, в которой социальное время проявляется прежде всего в отношении темпа временного потока правовых действий, ограниченности временных ресурсов в юридическом процессе и широты временного горизонта для выбора юридически значимых действий.

Своевременность – имманентное свойство любой правовой деятельности, урегулированной правом, которое нормативно используется при регулировании деятельности государственных органов и должностных лиц. При этом в одних случаях наличие этого свойства признается юридически обязательным (несвоевременность соответствующей деятельности дает основание квалифицировать ее как неправомерную), а в других случаях оно считается условием наступления (или, наоборот, ненаступления) определенных юридических последствий (несвоевременность действия влечет так называемую санкцию ничтожности: каких-либо изменений в правах и обязанностях субъектов не происходит).

Развитые общественные системы образуют более широкие, абстрактные и дифференцированные временные горизонты,

нежели более простые общества. Благодаря этому они достигают более высокой и богатой возможностями степени сложности мира, дающей им «больше селективности в переживания и действия» [6, с. 12]. Развернутая, многоуровневая и внутренне дифференцированная правовая система позволяет лучше синхронизировать как внутриобщественные системные взаимосвязи (и притом даже весьма различные по характеру и не поддающиеся интеграции по содержанию), так и подсистемы с различными по длительности или темпу характеристиками.

Категория «своевременность» относится к оценочно-правовым понятиям. Такая категория используется тогда, когда при нормативном закреплении правила возможно лишь охарактеризовать значимость (общесоциальную, классовую, групповую, личностную) поступков субъектов права, при этом формально определенные признаки этих поступков невозможно описать в нормативном правовом акте [12, с. 17–18].

Поэтому когда в правовом регулировании предстоит воспользоваться оценочным понятием «своевременность», то требуется не просто «подсчитать» количество истекшего времени, прибегнув к календарю и часам, а необходимо установить, какие реальные факты, действия в регулируемой ситуации действительно обладают (или обладали) той социальной значимостью, которая вкладывается в категорию «своевременность» в конкретной норме права. В связи с этим одно из основных назначений категории «своевременность» – служить формально-юридическим требованием к последовательности совершения тех или иных значимых действий при реализации процессуальных норм. Своевременность становится процессуальным принципом, сущность видится «в обеспечении временной упорядоченности действий всех участников процесса, максимально подчиненной задачам... уголовного судопроизводства» [5, с. 4], а содержание предстает как необходимость совершения действий в рамках определенной длительности, устанавливаемой процессуальным сроком, и определенная последовательность действий с минимальными издержками времени в рамках производства по конкретному делу при безусловном соблюдении всех иных принципов процесса.

Ст. 2 ГПК Российской Федерации прямо устанавливает, что «задачами гражданского судопроизводства являются правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений» [3]. Таким образом, своевременность защиты нарушенных или оспоренных прав, свобод и охраняемых законом интересов физических и юридических лиц законодательно закреплена как один из двух факторов (наряду с правильностью), определяющих эффективность осуществления правосудия.

В 2010 г. после принятия Федерального закона от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О Компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» Гражданско-процессуальный кодекс РФ и Арбитражно-процессуальный кодекс РФ закрепили разумный срок судопроизводства. Данный Федеральный закон принят в рамках выполнения предписания Европейского суда по правам человека создать эффективное средство правовой защиты в связи с выявленными системными нарушениями, выражающимися в несоблюдении разумных сроков судопроизводства и исполнения судебных актов. В своем Постановлении от 15 января 2009 г. «Дело Бурдов (Burdov) против Российской Федерации» (№ 2, жалоба № 33509/04) [4] суд установил, что власти государства-ответчика обязаны ввести в течение шести месяцев со дня вступления данного Постановления в силу эффективное внутреннее средство правовой защиты или комбинацию таких средств правовой защиты, которые обеспечат адекватное и достаточное возмещение в связи с неисполнением или несвоевременным исполнением решений национальных судов с учетом конвенционных принципов, установленных в прецедентной практике суда. Данное указание было выполнено принятием вышеуказанного Федерального закона, поскольку обязательность для России судебных актов Европейского суда по

правам человека определена ратификацией в соответствии с Федеральным законом от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» (Рим, 4 ноября 1950 г.) [14]. На необходимость создания компенсационных механизмов защиты права на судопроизводство и права на исполнение судебного акта в разумный срок указывалось в Определении Конституционного Суда РФ от 3 июля 2008 г. № 734-О-П [7].

Таким образом, в российской правовой системе в правовом регулировании процессуальных действий вместо ранее закрепленного индивидуального восприятия юридически значимых действий, их содержательной оценки, акцент перенесен на формально-юридическое, на соблюдение установленных сроков. Оценочное для субъектов права понятие «своевременность» заменилось на «разбирательство дел в судах осуществляется в сроки, установленные нормами права. Продление этих сроков допустимо в случаях и в порядке, которые установлены данным Кодексом, но судопроизводство должно осуществляться в разумный срок» [3]. А при определении разумного срока уголовного судопроизводства, который включает в себя период с момента начала осуществления уголовного преследования до момента прекращения уголовного преследования или вынесения обвинительного приговора, учитываются такие обстоятельства, как правовая и фактическая сложность уголовного дела, поведение участников уголовного судопроизводства, достаточность и эффективность действий суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, начальника подразделения дознания, органа дознания, дознавателя, производимых в целях своевременного осуществления уголовного преследования или рассмотрения уголовного дела, и общая продолжительность уголовного судопроизводства.

Следовательно, скорость юридических индивидуальных действий задается уже не как оценочная, а как формально определенная. Это достигается с помощью использования в правовой системе форм проявления уже не социального времени (как формы времени), а такой формы времени, как календарная. Происходит это с помощью:

– фиксации временного момента (дата подачи заявлений, жалоб, представления документов, рассмотрения дела, вынесения решения, заключения договора и др.);

– такой юридической конструкции, как срок.

Момент времени, ставящий предел своевременности, характеризуется абсолютно определенным интервалом, течение которого не зависит от правоприменителя. Тут, следовательно, приходится иметь дело лишь с календарным временем: за пределами юридически закрепленного и эмпирически фиксируемого интервала у правоприменителя отсутствует возможность темпорального усмотрения, самостоятельного «распоряжения временем».

Поскольку в качестве предела процессуальных действий нормативно закреплен срок, то в его пределах любой момент совершения правоприменительного действия юридически будет квалифицирован как своевременный. На выбор такого момента субъективное (психологическое) время правоприменителя, конечно, оказывает влияние, однако юридических последствий не вызывает, притом что конкретная социальная или личностная значимость каждого отдельного момента может быть неодинакова. Если практика обнаружит, что сроки совершения таких правоприменительных (правореализующих) действий в силу каких-либо причин чрезмерно краткие или, наоборот, слишком длительные, то дело сведется к их официальному пересмотру, изменению. Вместе с тем необходимо отметить, что анализ своевременности при реализации нормы права четко показывает, что она выполняет роль связи между различными элементами российской правовой системы.

Своевременность как формально-юридическое средство контроля есть обратная связь между нормой и ее реализацией, связь между нормой и конкретным социальным отношением, возникающем на ее основе. Для этой связи характерно не только тщательное выполнение и последовательное следование зафиксированным временным моментам, но и гибкость, приспособляемость нормы к конкретным правоотношениям (через нормативное закрепление своевременности как оценочной категории и использования в правопримене-

нии функционального и социологического способов толкования). Наличие этой связи обусловлено такими свойствами времени, как длительность и необратимость.

Вопрос о соотношении понятий «быстроты» и «своевременности» в процессуальных отраслях права никогда не был исключительно теоретическим. При обсуждении проблем гражданского процесса в целях недопущения судебной волокиты речь шла не о «быстром» (с точки зрения русского языка – «насколько возможно коротком»), а именно о своевременном судебном разбирательстве. Так, в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 1999 г. «О ходе выполнения Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 августа 1999 г. “О сроках рассмотрения уголовных и гражданских дел судами Российской Федерации”» [8] обращено внимание судов федерального значения на необходимость осуществлять постоянный судебный надзор за качественным и своевременным рассмотрением уголовных и гражданских дел, а также принимать иные меры воздействия, вплоть до прекращения полномочий судей, допускающих факты волокиты. В обязанность судей вменены регулярное обобщение практики соблюдения процессуальных сроков, анализ причин, порождающих волокиту, и их устранение. Не случайно в ст. 4 Кодекса судейской этики в гл. 2 «Правила поведения судьи при осуществлении профессиональной деятельности» предложено закрепить, что «судья должен добросовестно исполнять свои профессиональные обязанности и принимать все необходимые меры для своевременного рассмотрения дел и материалов» [10].

Думается, что здесь важно «чувствовать различные грани времени, чтобы определить их уместность в определенный момент в правовой жизни общества, уметь предвидеть последствия, которые они могут вызвать, всегда учитывать вероятность ошибки, предполагать выход из возможно создавшейся ситуации; моделировать такие возможные события, которые бы приобретали своевременное юридическое значение в данной ситуации» [13, с. 73].

Своевременное достижение юридических целей в нормативно закрепленные сроки с минимальными затратами означает и опти-

мальность правовой нормы. Как отмечает В.М. Баранов, «оптимальность – самый рациональный из всех возможных способов достижения намеченных нормой права целей. Оптимальность представляет собой наилучшую количественную и качественную характеристику пригодности нормы права вызвать достижение запланированных целей, это своего рода “потолок” эффективности норм права» [2, с. 287]. Категория «своевременность» очень тесно переплетается с целесообразностью, которая характеризуется разумностью, полезностью действия или принятого решения в конкретной ситуации, то есть соответствием этого действия или решения определенному промежутку времени. Своевременность служит показателем наступления целесообразности, тем моментом, когда возникает необходимость для принятия определенных решений или совершения действий, а также разумности, полезности их продолжительности. Однако такой оценочно-правовой подход, нужный и необходимый в правотворчестве и правоприменении, может превратиться в произвол: каким бы своевременным ни казался момент наступления, использования, целесообразности нормы права, он может быть применен лишь в случаях, зафиксированных нормой права.

Поэтому не случайно, что количество только вынесенных решений высших судов от удовлетворяющих/отказывающих в удовлетворении заявлений о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок; последние 2 года – 172 шт.² Поэтому представляется логичным, что в постановлениях высших органов судебной власти [9] предложена трактовка обстоятельств, имеющих существенное значение для установления факта нарушения права на судопроизводство или на исполнение судебного акта в разумный срок. При оценке действий суда (судьи) исследованию подлежат вопросы, связанные со **своевременностью** назначения дела к слушанию, проведением судебных заседаний в назначенное время, сроками изготовления судьей мотивированного решения и направления его сторонам, полнотой осуществления судьей контроля за выполнением работниками аппарата суда своих служебных обязанностей, в том числе

по извещению участвующих в деле лиц о времени и месте судебного заседания, **своевременным** изготовлением протокола судебного заседания и ознакомлением с ним сторон, полнотой и своевременностью принятия судьей мер в отношении участников процесса и других лиц в сфере осуществления правосудия, направленных на недопущение их процессуальной недобросовестности и процессуальной волокиты по делу [9]. С учетом этого подлежат исследованию вопросы, связанные с осуществлением судьей контроля за сроками проведения экспертизы, наложением штрафов и т. д. Так в п. 39 указано, что при оценке общей продолжительности исполнения судебного акта следует учитывать, в частности, **своевременность** выдачи надлежащим образом оформленного исполнительного документа, а также направления такого документа судом в орган, уполномоченный исполнять соответствующий судебный акт [там же]. Действия суда (судьи), органов, организаций или должностных лиц, на которые возложены обязанности по исполнению судебного акта, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, начальника подразделения дознания, органа дознания, дознавателя, признаются достаточными и эффективным, и если такие действия способствуют **своевременному** рассмотрению гражданского или уголовного дела, исполнению судебного акта, осуществлению уголовного преследования [там же].

Очевидно, в указанных случаях при применении (или реализации) норм права психологическое время субъекта выполняет роль темпорально-регулятивного фактора: оно непосредственно включается в констатацию своевременности действия, приобретающей юридическое значение и влекущей юридические последствия. Следовательно, здесь темпорально-юридические представления правоприменителя (как составная часть его правосознания) становятся основой для истолкования соответствующих понятий и временного оценивания жизненных фактов, обстоятельств. Эти представления, как и другие «фрагменты» правосознания, социально обусловлены, а потому могут существенно различаться у различных субъектов³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По данным справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» на 1 июня 2013 года.

² По данным справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» на 1 марта 2012 года.

³ Такие расхождения порождают порой «временной субъективизм» или, по выражению О. Тоффлера, «временное пристрастие» (цит. по: [12, с. 21–22]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 02.07.2013) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – 29 июля (№ 30). – Ст. 3012 ; 2013. – 8 июля (№ 27). – Ст. 3478.

2. Баранов, В. М. Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики / В. М. Баранов. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1989. – 400 с.

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 02.07.2013) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – 18 нояб. (№ 46). – Ст. 4532 ; 2013. – 8 июля (№ 27). – Ст. 3459.

4. Дело «Бурдов (Burdov) против Российской Федерации» (№ 2, жалоба № 33509/04) : постановление от 15 янв. 2009 г. // Российская хроника Европейского Суда. – 2009. – № 4.

5. Жуковский, В. Ю. Проблема времени и своевременности в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Жуковский Вячеслав Михайлович. – Свердловск, 1989. – 19 с.

6. Луман, Н. Мировое время и история систем. Об отношениях между временными горизонтами и социальными структурами общественных систем / Н. Луман // Логос. – 2004. – № 5. – С. 12.

7. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 3 июля 2008 г. № 734-О-П «По жалобе гражданки В. на нарушение ее конституционных прав статьей 151 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 5. – Ст. 678.

8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 нояб. 1999 г. № 79 «О ходе выполнения Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 августа 1993 г. “О сроках рассмотрения уголовных и гражданских дел судами Российской Федерации”» // Российская газета. – 1999. – 30 нояб. (№ 237) ; Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2007. – Май (№ 5).

9. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации № 30, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации

№ 64 от 23 дек. 2010 г. «О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Российская газета. – 2011. – 14 янв. (№ 5).

10. Постановление Совета судей Российской Федерации от 29 апр. 2004 г. № 119 «О Проекте Кодекса судейской этики» // Российская юстиция. – 2004. – № 3.

11. Пригожин, И. Порядок из хаоса / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М. : Прогресс, 1986. – 432 с.

12. Рабинович, П. М. Социалистическое право как ценность / П. М. Рабинович. – Львов : Изд-во Львов. ун-та, 1985. – 167 с.

13. Тенилова, Т. Л. Право и время : дис. ... канд. юрид. наук / Тенилова Татьяна Львовна. – Н. Новгород, 1999. – 24 с.

14. Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 14. – Ст. 1514.

15. Fortes, M. Time and Social Structure: An Ashanti Case Study / M. Fortes // Social Structure : Essays Presented to Radcliffe-Brown / M. Fortes (ed.). – N. Y. : Clarendon Press ; Oxford (UK) : Kunstadter, 1963. – P. 54–84.

16. Sorokin, P. A. Social Time: A Methodological and Functional Analysis / P. A. Sorokin, R. K. Merton // The American Journal of Sociology. – 1937. – № 42. – P. 615–629.

17. Sorokin, P. A. Time-Budgets of Human Behaviour / P. A. Sorokin, C. Q. Berger // Harvard Sociological Studies. – Vol. 2. – Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1939. – 204 p., xi.

MODERNIZATION OF TIME PARAMETERS IN LAW ENFORCEMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION: EUROPEAN INFLUENTIAL PRACTICES

E. Yu. Dogadaylo

The article deals with the influence of practices of the European Court of Human Rights on changing time parameters in implementing law enforcement in the Russian Federation.

Key words: *time, adjective law, law enforcement, actuality.*